

Вэнь Цяньхэ привычно разбил яйца в миску, тщательно взболтал их и присыпал мелко нарезанным зеленым луком. Он щелкнул выключателем конфорки, и лишь когда над сковородой поплыли сизые струйки дыма, щекочущие ноздри, опомнился и вылил яичную смесь на раскаленное масло.

Он небрежно перевернул омлет; масло зашипело, наполняя кухню аппетитным ароматом.

Внезапно Вэнь Цяньхэ выключил огонь. Яйца подгорели снизу, а сверху еще оставались жидкими, но ему было все равно. Бросив лопатку, он помчался в комнату и схватил телефон. Он снова набрал номер Чжоу Тинъюня — и снова никто не ответил. Десять, пятнадцать вызовов — и лишь бесконечные гудки в пустоту.

«Неужели он все еще занят? — лихорадочно соображал Цяньхэ. — Но нельзя же работать круглые сутки напролет».

Тинъюнь всегда находил минутку, чтобы отправить сообщение в WeChat, пусть даже пару слов. Днем он звонить не любил, обычно они созванивались только по вечерам. Цяньхэ не выпускал телефон из рук, но в окне чата сиротливо висели лишь его собственные сообщения.

Прождав в томительном беспокойстве полчаса, он наконец решился перезвонить по тому странному номеру, с которого ему сообщили об инциденте, но и там никто не брал трубку.

Теперь он был почти уверен: Чжоу Тинъюнь действительно пострадал. Сначала он принял это за звонок мошенников, но кто стал бы использовать съемки Тинъюня как предлог? Об этом знали лишь единицы.

«Его оглушило взрывом... Что с ним сейчас? Сильно ли он ранен? — мысли путались. — Если съемочная группа окажется недобросовестной и откажется оплачивать лечение, что тогда? Вдруг он... умрет? И зачем я, дурак, бросил трубку, даже ничего не разузнав?»

Цяньхэ мучительно пытался вспомнить, где именно сейчас проходят съемки, но понял, что в последнее время совсем не интересовался деталями. За последние месяцы Тинъюнь сменил множество локаций, и из каждой присылал фотографии. Он открыл историю переписки: последние снимки датировались прошлым месяцем. С тех пор как Цяньхэ вышел на работу, их общение стало пугающе редким.

Чжоу Тинъюнь играл роль второго плана, так что студия вряд ли бросит его на произвол судьбы — смерть актера обернулась бы для них грандиозным скандалом. К тому же, по закону, если между актером и нанимателем подписано соглашение, любая травма считается производственной и подлежит компенсации. Цяньхэ знал это наверняка: он заранее проштудировал трудовое право, опасаясь, что Тинъюня могут обмануть, и заставлял того присылать копии всех контрактов, перечитывая их по многу раз.

Там все было прописано четко, черным по белому.

Но почему же тогда позвонили именно ему? Этот вопрос не давал покоя.

«Если с ним что-то случится, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы добиться справедливости», — поклялся он себе.

Голод стал невыносимым. Вэнь Цяньхэ вернулся на кухню, дожарил злосчастный омлет и выключил рисоварку. Кое-как проглотив несколько кусков, он привел все в порядок и заперся в кабинете.

Здесь было тепло и уютно. Пол застилал мягкий ковер, а на столе в вазе благоухали свежие розы. Тинъюнь строго наказал менять их каждую неделю; когда Цяньхэ только заехал сюда, цветы в доме уже наполовину завяли. Прежний хозяин, видимо, любил читать лежа: по обе стороны от ковра стояли низкие тумбы с изящными кофейными чашками.

Весь интерьер кабинета был выдержан в духе минимализма, но не лишен особого изящества. Стеллажи ломились от книг. Половину составляли старые, зачитанные тома по актерскому мастерству и теории музыки, принадлежавшие Тинъюню. Другую половину — свежечукупленные учебники по праву. Как только Чжоу Тинъюнь узнал, что Цяньхэ собирается в магистратуру, он, не терпя возражений, обеспечил его всеми необходимыми материалами.

Цяньхэ снова потянулся к самой старой книге в коллекции — учебнику по гражданскому праву. Открыв раздел, посвященный контрактным обязательствам, он принялся перечитывать его, то и дело сверяясь с трудовым кодексом.

Он делал пометки, выписывал тезисы и вскоре набросал уже добрый десяток аргументов для защиты. Азарт захлестнул его; в какой-то момент Цяньхэ даже почудилось, будто он уже выступает в суде, ведя яростную полемику с оппонентом. Он не заметил, как небо за окном начало светлеть. Он чувствовал, как слипаются глаза, и в конце концов уснул прямо на полу, провалившись в беспокойное забытие.

Днем Вэнь Цяньхэ резко проснулся. Первым делом, еще толком не придя в себя, он нащупал телефон. Ночью он несколько раз просыпался лишь для того, чтобы проверить входящие: не написал ли Тинъюнь, не звонил ли кто-нибудь еще.

Пусто. Тишина. Связь с миром Чжоу Тинъюня оборвалась так же внезапно, как и возникла. Они и раньше общались только через сеть, а теперь, без смартфона в руках, они стали друг другу никем.

Сегодня был канун Малого Нового года. Тётя Хэ, мать Тинъюня, прислала ему «красный конверт» с деньгами, но он не решился его принять и даже не знал, что ответить. Обычно Хэ Чжи не спрашивала сына о делах напрямую, зная, что тот отделается дежурными фразами о занятости, и потому сразу шла к Вэнь Цяньхэ.

После долгих колебаний Цяньхэ отправил ответ: «С праздником! Мы сейчас всюду учимся», и прикрепил к сообщению заранее отреетушированную совместную фотографию.

В этот момент его пронзило пугающее предчувствие: если Чжоу Тинъюнь погибнет, он сам долго не протянет. Семья Чжоу его просто уничтожит. Хэ Шао не зря постоянно прошупывал почву — он пекся о племяннике. Да и тётя Хэ так добра к нему лишь из-за сына.

Наступил канун большого Нового года. Вэнь Цяньхэ созвонился с родителями, а затем принялся за праздничный ужин. За годы он привык справляться на кухне самостоятельно, так что дело спорилось.

К половине восьмого вечера стол был накрыт. До начала новогоднего гала-концерта оставалось полчаса. От Цяньхэ пахло дымом и специями, ладони покраснели от ножа, а на лбу выступила испарина. Но готовка приносила ему странное успокоение — в движении рук и ароматах еды была жизнь.

Сфотографировав блюда, он отправил снимки тётя Хэ, предварительно подправив их в фоторедакторе на компьютере. Хэ Чжи тут же захотела созвониться по видеосвязи, но Цяньхэ соврал, что они слишком проголодались за день и садятся ужинать. Было ясно, что Тинъюнь так и не связался с домом, иначе она бы не стала донимать его.

Цяньхэ включил телевизор — как раз начинался концерт. Он ел, поглядывая на экран. Говяжий бульон оказался пересоленным, в свинину с перцем он забыл добавить соевый соус, а картофельной соломке явно не хватало уксуса... Еда была безвкусной.

Он прибавил звук, чтобы создать иллюзию праздничного шума в пустом доме, но даже сквозь грохот телепередачи слышал вибрацию телефона.

На экране айфона высветилось десять уведомлений. Первые пять — от Го И, который прислал очередную порцию дурацких шуток. Этот парень даже в новогоднюю ночь не мог отлипнуть от своих пабликов. Остальные сообщения были из чата соседей по комнате: Чжан Цючи отправил красный конверт, но никто его не забирал. Цючи злился: «Стоило разъехаться на каникулы, как вы стали чужими людьми! Даже деньги вам не нужны. Если сейчас же не заберете, я с вами больше не знаю!»

Цяньхэ слабо улыбнулся и хотел было что-то написать в ответ, как вдруг заметил в самом верху списка диалогов непрочитанное сообщение от закрепленного контакта.

«С Новым годом, Цяньхэ».

Он вздрогнул. Слеза сорвалась и упала на экран, мгновенно расплывшись влажным пятном на новеньком стекле. Он поспешно вытер его. Это действительно был WeChat Чжоу Тинъюня.

Спустя мгновение пришло еще одно:

«Закрутился на работе эти дни, совсем не было времени написать. Ты все еще за книгами? В Новый год нужно давать себе отдых. Давай, старший брат отправит тебе подарок».

Вслед за сообщением пришло уведомление о переводе: 5200 юаней.

Цяньхэ не стал ничего писать. Он сразу нажал на кнопку видеовызова.

Тот долго не отвечал, а затем переключил на голосовую связь.

— Чжоу Тинъюнь, ты ведь в больнице?

На том конце воцарилось недолгое молчание, а затем раздался притворно-удивленный возглас:

— Как ты догадался? Какой же ты у меня сообразительный, Цяньхэ.

Голос Чжоу Тинъюня звучал болезненно — слабо и глухо. Как бы он ни старался казаться бодрым, разница с обычным его тоном была разительной.

— Это серьезно? Тебе уже лучше?

— Да, гораздо лучше. Понимаешь, на съемках травмы — обычное дело. Не бери в голову.

— Кто бы еще за тебя переживал... Сдох бы там, и дело с концом, — выпалил Цяньхэ, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. — Хоть было бы кому тело забрать? Почему ты никогда мне ничего не рассказываешь?

Тинъюнь тихо усмехнулся. Видимо, смех отозвался болью, потому что он негромко охнул.

— Как ты узнал, Цяньхэ?

— Мне позвонил какой-то человек. Сказал, что тебя оглушило взрывом и ты в больнице, просил денег. Я решил... что это мошенники, и бросил трубку.

Слова звучали жестоко, и Цяньхэ тут же пожалел о них. Но слово не воробей.

— Потом я понял, что что-то не так, и перезвонил, но номер был недоступен. И твой тоже...

Тинъюнь рассмеялся, и Цяньхэ почти физически почувствовал его улыбку.

— Молодец, Цяньхэ. Теперь я за тебя спокоен — тебя никто не проведет. Юристы, они такие.

Цяньхэ замер. Знай Тинъюнь, что он уже подготовил целую речь для суда против его студии, смеялся бы он сейчас? Вслух он этого, конечно, не сказал.

— Давай включим видеосвязь, а?

Тинъюнь немного помедлил и ответил мягким, обволакивающим голосом:

— Цяньхэ, подожди пару дней. Сейчас я выгляжу... не очень.

— Я очень скучаю по тебе.

<http://bllate.org/book/17446/1658763>